

А. Ю. Заднепровская

Культура ижоры в коллекциях музея

Ижоры, ижора — небольшая прибалтийско-финская народность, проживающая на южном побережье Финского залива (в западных р-нах современной Ленинградской обл.). Ижоры — потомки древнего коренного населения Северо-Запада Европейской части России. Ижорские земли рано вошли в состав Великого Новгорода; в XIII в. они приняли православие, что имело определяющее значение для их дальнейшей судьбы, развития культуры и языка.

В российской науке изучение этнографии ижор имеет свою историю. Ее особенностью является то, что серьезный интерес к их истории, культуре и языку отечественные специалисты по сравнению, например, с учеными Финляндии проявили достаточно поздно. В 1927 г. профессор Д. А. Золотарев подчеркивал, что «...многократные попытки изучать население нашей губернии в старое время и в последние годы неизменно прерывались в самом начале и не давали желаемых результатов, почему мы и до сих пор не имеем даже простого описания быта населения, не говоря о специальных этнографических и антропологических работах».¹

По данным рубежа XIX–XX вв. ассимиляция отдельных групп ижоры русскими шла уже достаточно активно. Исчезновение особенностей традиционной культуры, утрата самосознания и языка происходили не одинаково у разных локальных групп народа. Такие группы ижоры, как жившая на Карельском перешейке и верхнелужская, некогда расселенная в верховьях р. Оредежа, в это время были уже практически ассимилированы. Определенные культурно-бытовые особенности еще сохраняли нижнелужские ижоры, расселенные в низовьях р. Луги и на Сойкинском п-ве, а также ижоры группы хэва — в Петергофском у. Сакт-Петербургской губ. В послереволюционный период об этнокультурной ситуации в этом районе не было никакой информации, поэтому в середине 1920-х гг. российским исследователям пришлось начинать практически с чистого листа.

Д. А. Золотарев, заведующий (по старой терминологии именовавшийся хранителем) Отделением этнографии великорусов и финнов ЭО был первым, кто поставил задачу систематического изучения финно-угорского населения Северо-Запада России, в том числе и территории Ленинградской обл. Главным направлением работы в этот период должен был стать сбор антропологических, этнографических, лингвистических и палеоэтнологических материалов с целью изучения особенностей народов Северо-Запада.² Для этого была развернута экспедиционная работа, включавшая комплектование разнообразных этнографических материалов. По замыслу Д. А. Золотарева, в этой работе должны были участвовать все гуманитарные учреждения города, в дальнейшем он планировал также привлечь сельскую интеллигенцию и местных краеведов.³

Для исследователей подлинным открытием стало то, что ижорское население западных р-нов Ленинградской обл., проживавшее в непосредственной близости от такого крупного города, как Ленинград, сохранило довольно заметную языковую и культурную специфику. Как писал сотрудник экспедиции Р. М. Габе, «отсутствие железнодорожного сообщения и, следовательно, некоторая оторванность края, населенного ижорами, от центра — Ленинграда допускала вероятность встретить здесь культуру, до некоторой степени самобытную. Наши предположения оправдались. Прежде всего обращало на себя внимание то обстоятельство, что местное население плохо владеет русским языком... Мужчины, которым приходится ездить с салахой и корюшкой в Ленинград, по-русски говорят, а ижорские женщины знают русский язык слабо, старики же и старухи в большинстве случаев совсем не понимают русской речи».⁴ Он также отметил, что в Сойкинской вол. «до настоящего времени сохранился свой собственный архитектурный облик, не испорченный пригородной и дачной архитектурой», в частности, встречалось много жилых курных изб, построенных в середине XIX в., было распространено строительство скотных дворов из крупных валунов, сохранились своеобразные приемы строительной техники и декора.⁵ Кроме того, исследователи отметили сохранение специфики в женской одежде, головных уборах, обуви у нижнелужской ижоры.⁶ Достаточно устойчивыми оказались и традиции приготовления ритуальной пищи (яичницы, обрядового печенья) и варки пива.

Во время экспедиции удалось обнаружить также некоторые пережитки старинных верований, частичное сохранение архаических черт в обрядах семейного и календарного цикла. Интересные данные об особом «бабьем празднике» у ижоры были собраны в 1926 г. Н. И. Гаген-Торн в с. Большая Ижора Петергофского у.⁷ Это был праздник замужних женщин, обязательными составляющими которого являлись совместная трапеза и величание молодух, родивших в текущем году первого ребенка, а также женщин, у которых родился первый внук. Аналогичные сведения были получены в д. Маншовка Кингисеппского у.: «Каждый год на Егория устраивается „бабий праздник“. Его справляют только замужние женщины. Приглашают музыканта, поют песни, угощаются принесенными из дома припасами и специально сваренным для этого случая пивом. Ни мужчины, ни девушки на этот праздник не допускаются. У них свои праздники. У девушек есть свой праздник на заговенье, у мужчин свой — хларь»⁸ (здесь, по-видимому, имеется в виду праздник свв. Флора и Лавра, считавшихся покровителями лошадей. — А. З.)

В хозяйственной жизни крестьян также наблюдались интересные традиции. В недавнем прошлом переделы покосов и некоторых угодий производились с помощью жеребьевки; использовались деревянные бирки со знаками собственности. В середине 1920-х гг. переделов уже не происходило, но сохранились сами жеребья и бирки, приобретенные участниками экспедиции для музейной коллекции.

Уже в 1930 г. по итогам работы первых экспедиций был подготовлен и опубликован «Западно-финский сборник», в котором три статьи рассматривали различные аспекты культуры прибалтийско-финского населения западной части Ленинградской губ.

Столь успешно начатое изучение ижорской культуры продолжалось, к сожалению, недолго: в середине 1930-х гг. прибалтийско-финские народности подверглись репрессиям; та же участь постигла и исследователей, занимавшихся их изучением. В числе последних была группа сотрудников музея: Д. А. Золотарев, ведущий специалист по ижоре —

Н. Ф. Прыткова,⁹ сотрудники Финно-угорской секции Комиссии по изучению племенного состава. Было разгромлено Ленинградское общество изучения финно-угорских народов. После значительного перерыва изучение ижорской этнографии и комплектование коллекций возобновилось сотрудниками музея только в 1960-х гг.¹⁰ В результате отечественная литература осталась без обобщающих работ, посвященных культуре этого народа, а многие важные материалы и источники не были введены в научный оборот.

Российский Этнографический музей хранит в своих фондах уникальное собрание, относящееся к культуре ижоры. Это вещественные, иллюстративные и документальные источники, среди которых есть материалы особой научной значимости.

Ценность ижорского собрания РЭМ заключается в материалах различных хронологических периодов: основополагающих, собранных во время первых комплексных антропологических и этнографических экспедиций в Ленинградскую губ. 1925, 1926 и 1928 гг., и памятниках более раннего времени. Единственной коллекцией, поступившей в музей в дореволюционный период, было небольшое количество образцов ижорской вышивки, собранных художником К. Д. Далматовым. Они датируются второй половиной XIX в.

В 1948 г. ижорское собрание музея пополнилось коллекцией археолога и мецената А. М. Раевской, приобретенной ею в 1867 г. для первой Всероссийской этнографической выставки в Москве и входившей в состав собрания Дашкинского, а затем Центрального музея народоведения, впоследствии переименованного в Музей народов СССР, который был закрыт в начале 1940-х гг. и затем расформирован. Ижорская коллекция А. М. Раевской содержит уникальные этнографические памятники. Они относятся к числу самых ранних из имеющихся в музеях нашей страны и включают одежду, орудия труда, предметы быта, посуду, утварь, которые датируются концом XVIII — первой половиной XIX в.¹¹

Задача формирования базы источников для изучения культуры малых прибалтийско-финских народов, как уже упоминалось, в значительной степени была реализована в ходе работы ленинградского отряда Северо-Западной этнологической экспедиции. Первый рекогносцировочный выезд в Наровскую вол. Кингисеппского у. состоялся в 1925 г. под руководством Д. А. Золотарева. К этой работе он привлек молодых специалистов, своих учеников. Среди них была и помощник хранителя ЭО Н. Ф. Прыткова, которая начала специализироваться в области изучения ижорской культуры. В архиве музея сохранились некоторые рукописные материалы и рисунки Н. Ф. Прытковой, подготовленные в связи с изданием ее статьи об ижорской одежде в уже упоминавшемся «Западно-финском сборнике».

В экспедиции 1926 г., которая продолжалась два с половиной летних месяца, также работали З. П. Малиновская, В. М. Соловьева, С. Д. Синицын, Н. С. Розов, фотограф А. А. Гречкин, архитекторы А. Л. Колобаев, Р. М. Габе и группа студентов-антропологов. Они обследовали нижнелужских ижор в дд. Александровка, Виетино, Гамолово, Глиники, Горки, Залесье, Косколово, Лоти, Большое Стремление Сойкинской вол. и в дд. Кайболово, Краколье, Большое Кузёмкино, Липово, Пески Наровской вол. Кингисеппского р-на.

В следующем, 1927 г. в центре внимания исследователей было водское население. Экспедиция 1928 г. продолжила обследование ижор в Кингисеппском р-не — в дд. Малое Кузёмкино, Куровицы, Малиновка, а также ижоры группы хэва в дд. Коваши, Лендовщина и Усть-Рудицы Ораниенбаумского р-на. Руководила этой работой Н. Ф. Прыткова.

Основными задачами упомянутых экспедиций являлось антропологическое и этнографическое изучение местных жителей. В результате самоотверженного труда были собраны уникальные вещественные памятники, сделаны зарисовки и фотографии, которые поступили в фонды музея.

В фототеке РЭМ представлены уникальные фотографии, иллюстрирующие ижорскую культуру. В первой экспедиции 1926 г. Д. А. Золотарев и А. А. Гречкин сделали около 280 фотографий у ижоры Сойкинской и Наровской вол. Фотоколлекция № 4544 включает значительное количество снимков, отражающих антропологические типы населения, и дает достаточно полную картину жизни и основных хозяйственных занятий ижоры, в первую очередь, рыболовства, пастушества, гончарства, прядения и ткачества. Часть коллекции посвящена видам поселений, жилых и хозяйственных построек. В 1920-х гг. на этой территории еще встречались жилые черные избы — *musta perti*, изображения которых также заняли свое место в этой коллекции.¹² Большой интерес представляют снимки основных средств передвижения: двухколесной телеги ратка (*ratka*), четырехколесной телеги — *vankuri*, легкового экипажа, носившего название «карабашка», дровней, санок финского типа, обтянутых парусиной — *sankka*. Особенно знаменит представленный в коллекции цикл фотографий, посвященный ижорской евадьбе, отражающий наиболее значимые этапы народного обряда от благословения молодых иконой и хлебом до свадебного пира и танцев молодежи на улице.

Фотоколлекция № 4833 из 24 снимков была выполнена в 1928 г. Н. Ф. Прытковой в Кингисеппском (дд. Куровицы и Манновка) и Ораниенбаумском (дд. Коваши и Усть-Рудицы) районах. На снимках запечатлены антропологические типы, женщины в городской одежде и традиционных костюмах, уже вышедших из употребления, но еще хранившихся в сундуках. Например, на фотографии № 4833-4 мы видим пожилую женщину из д. Куровицы в старинном костюме, состоящем из косоклинного сарафана, холщовой вышитой рубашки, двух поясных полотенец, головного убора *sarrano* и шейно-наспинного украшения типа *helmet*.

В 1928 г. в дар музею также была передана коллекция В. Н. Арнольда (№ 4982), 18 снимков из которой посвящены ижоре Курголовского п-ва. На них представлены сюжеты, связанные с занятием рыболовством; средства передвижения; антропологические типы населения.

После значительного перерыва, в 1987 г. в фототеку РЭМ поступили фотографии, выполненные в ходе экспедиции заведующей отделом этнографии Прибалтики Д. А. Горб. Она работала в Кингисеппском р-не Ленинградской обл. в дд. Краколье, Остров, пос. Усть-Луга. Коллекция включает 56 снимков: типы ижоры, жилые и хозяйственные постройки, виды кладбища.

Обратимся к характеристике наиболее старых изобразительных материалов. Это 4 акварельных рисунка, которые поступили в составе коллекции А. М. Раевской. Все они имеют двойную нумерацию, на обороте стоит штамп Дашковского этнографического музея, в собрании которого они первоначально находились.¹³ Рисунки характеризуют быт ижоры середины XIX в. Петергофского у. Санкт-Петербургской губ. дд. Усть-Рудица и Малое Шишкино-Ломоносово.

Первый рисунок изображает сидящего мужчину в традиционной одежде: сером кафтане, черной шапке и сапогах. На скамейке рядом с ним тарелка и миска с ложкой.

Второй рисунок — изображение сидящей женщины в кафтане, надетом поверх *ānuia* — архаической поясной одежды с одной лямкой через плечо, на голове надет белый платок, на груди — фибула и бусы в несколько низок. Женщина изображена сидящей на лавке с прялкой, пивной кружкой и полотенцем.

Третий рисунок изображает женщину в рубахе с *ānuia* и белом переднике, на голове — *sarrano*; она стоит босиком, в руках держит грабли.

Четвертый рисунок — изображение женщины в профиль, одетой в вышитую рубашку; на голове женщины белый с черной лентой траурный головной убор. Эти рисунки удачно дополняют коллекцию синхронных вещественных памятников, приобретенных А. М. Раевской в тех же деревнях.

Реалии второй половины XIX — первой четверти XX в. отражены в иллюстративных материалах архитектора Р. М. Габе. Его коллекция состоит из 70 акварельных рисунков и чертежей, выполненных на высоком профессиональном уровне. В 1926 и 1927 гг. он работал в ижорских деревнях Сойкинской и Наровской вол. «Наиболее детальному изучению подлежала большая деревня Логи, состоящая из 103 дворов с населением, превышающим 800 человек... Мною произведены обмеры этой деревни; и на генеральном плане, составленном в масштабе 1/800 натуральной величины, нанесены все — как жилые, так и хозяйственные — постройки, и в каждом отдельном здании показаны входящие в него части, как-то: изба, сени, двор, амбар, кладовая и т. д.; нанесены фруктовые и ягодные сады, находящиеся почти у каждого дома, и участки земель, занятых под огороды и пашни», — писал Габе.¹⁴

Кроме того, он выполнил зарисовки и отдельных наиболее интересных предметов — рыбацкой парусной лодки *veve*, праздничного наряда молодой замужней женщины (д. Липово Наровской вол.), кадки-сундука (д. Курголово). Р. М. Габе специализировался на изучении народной архитектуры, он делал обмеры и зарисовки жилых и хозяйственных построек, конструктивных деталей жилища: стропил, способов рубки углов, «курищ». Особенно интересны архаические курные избы, а также типичные для этой территории каменные дворы, сложенные из крупных валунов, виды и интерьеры изб, бань, рисунки печей, риги, амбаров, колодцев, планы изб, дворов, участков; 15 рисунков изображают декор домов — наличники, крыльца.¹⁵ Часть этих рисунков опубликована автором в качестве иллюстраций к его статье «Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа» в «Западно-финском сборнике».¹⁶

Основная и наиболее ценная часть вещественных памятников так же, как и изобразительных материалов, была доставлена сотрудниками Северо-Западной этнологической экспедиции. В 1925 и 1926 гг. отряды этой экспедиции вели работу в западных районах Ленинградской области у группы нижнелужской ижоры. В 1928 г. сотрудник экспедиции Н. Ф. Прыткова продолжила изучение нижнелужской группы в Кингисеппском р-не и группы хэва в Ораниенбаумском р-не.

Собранные коллекции отличаются систематичностью и полнотой. В них представлена целая серия уникальных памятников, в числе которых редкие образцы старинных орудий рыболовства, одежды, украшений, утвари, а также предметы, отражающие общественный быт доколхозной деревни. Целью собирателей являлся также отбор предметов, имеющих знаки собственности и даты изготовления.

Коллекция № 4343 была зарегистрирована сотрудником музея Н. П. Гринковой, а коллекции №№ 4460 и 4984 — Н. Ф. Прытковой. Во время полевой работы Прыткова особое внимание уделила изучению и комплектованию предметов ижорской одежды. В 1920-х гг. старинная одежда, широко бытовавшая во второй половине XIX в., стремительно исчезала. Собранный Прытковой коллекция, включает главным образом предметы женской одежды, головные уборы и украшения. В аннотациях вещей Н. Ф. Прыткова приводит ижорскую терминологию и разнообразные сведения об их бытовании. Ижорские термины Н. Ф. Прыткова обычно записывала либо на латинице, либо на кириллице, реже — с использованием обоих алфавитов. Термины, приведенные в данной статье, в основном соответствуют записям собирателя, часть из них уточнена и исправлена в соответствии с принятым написанием.¹⁷

В 1934 г. сотрудник музея Г. А. Никитин провел специальную экспедицию с целью изучения рыболовства на побережье Финского залива. У жителей дд. Остров и Усть-Луга он приобрел орудия рыболовства, промысловую одежду и салашку — промысловую будку рыбаков, которую обычно использовали местные жители во время зимнего лова.

Самые ранние предметы в ижорском собрании РЭМ, как уже говорилось, происходят из коллекции А. М. Раевской. Проводя археологические раскопки средневекового кладбища в ур. Черное близ д. Усть-Рудицы в Петергофском у. Санкт-Петербургской губ., она приобрела у ижор — жителей соседних дд. Усть-Рудица, Большое и Малое Шишкино, Ижоры — большое количество этнографических памятников. У этой коллекции сложная судьба: ее целостность при последней передаче из московского МН СССР была нарушена, документы частично утрачены. Известно, что первоначально ее численность составляла около 50 предметов; при ее атрибуции автору данной статьи удалось идентифицировать более 20 из них. Собрание включает: предметы одежды — полный комплект женского праздничного костюма, головные уборы, части мужской одежды; посуду, утварь; орудия труда и их модели, а также модели средств передвижения. Эти экспонаты датируются первой половиной и серединой XIX в. Значение коллекции трудно переоценить; она составила наиболее ранний круг вещественных памятников ижорской культуры в музеях России.

В 1960 и 1967 гг. от С. Д. Павловой, сотрудницы музея, ижорки, поступили две коллекции из 37 экспонатов. Они включают комплексы женских костюмов рубежа XIX–XX вв. различных возрастных групп из д. Куровицы Кингисеппского р-на. В 1963 г. сотрудник музея Т. Т. Денисова руководила практическими занятиями школьников-краеведов и вместе с ними в дд. Выбья и Краколье Кингисеппского р-на собрала коллекцию одежды (40 предметов) и орудий труда. Все экспонаты относятся также к концу XIX — первой четверти XX в.

Собирая материалы по истории гончарного промысла в Ленинградской обл., сотрудник РЭМ, зав. отделом этнографии Прибалтики Д. А. Горб посетила в 1978 г. известный центр в д. Большое Стремление Кингисеппского р-на и приобрела там коллекцию гончарных изделий.¹⁸ В 1987 г. Д. А. Горб совершила рекогносцировочную поездку, работала в деревнях Сойкинского и Кракольского сельсоветов Кингисеппского р-на.

Материалы по этнографии ижоры в тематическом и хронологическом планах более разнообразны по сравнению с этнографическими коллекциями соседних и родственных им прибалтийско-финских народов, поэтому они позволяют достаточно обстоятельно охарактеризовать различные стороны ижорской культуры и быта второй половины

XIX — первой четверти XX в. Основные занятия населения представлены орудиями земледелия (сошники, серпы, цеп). Особенно интересен набор лунок и жербеьев для раздела общественных покосов, практика которых была типичной для региона Северо-Запада России вплоть до начала XX в. На жербеях вырезаны знаки собственности (*merkka*). Эти предметы не имеют аналогов в коллекциях других музеев.

Наиболее полно в собрании отражено рыболовство. У ижоры было развито как речное, так и морское рыболовство. Типичными орудиями речного и морского лова являлись ставные сети на корюшку, салаку и ершей с грузилами *laba* и поплавками *saksakarro*. На одной сетке прикреплено 25 поплавков из пробки, из них 11 отмечены вырезанными знаками собственности. В коллекции также есть мережа для лова угрей и сачок для раков. Своим архаичным обликом выделяется ловушка мерда для миног, сделанная из лучины и бересты.

В коллекции представлен также комплекс орудий и специальных приспособлений для подледного лова, в том числе остов рыболовного шалаша и санки для перевозки рыбы.

Коллекцию дополняют инструменты для изготовления рыболовных сетей: прялки с наверхуем в виде рогульки для плетения сети; челноки и наперстный нож *sormi-veitsi* для обрезания нитей. Он представляет собой металлическую пластинку, один конец которой заострен, а другой загнут крючком и надевается на безымянный палец.

Орудия прядения и ткачества представлены полным набором необходимых инструментов: мялкой, гребнями, щеткой, прялкой, мотовилом, воробами, выюшкой и сновалкой.

Достаточно разнообразны предметы хозяйственной утвари: принадлежности для мытья и стирки (рукомойник, лохань), вальки для стирки и рубели для глажения белья. На этих предметах стоят знаки собственности и инициалы владельцев.

Утварь и посуда для приготовления, хранения и употребления пищи, включают изделия из глины и дерева. Наиболее интересны старинные образцы деревянной посуды из коллекции А. М. Раевской, датирующиеся серединой XIX в.: тарелки, ложки, миски, половники.

Архаичны по своему облику деревянная тарелка пулутань, две ложки лузика ручной работы и миска *puvad*. На миске сохранилась собирательская этикетка: «37 Пувады (чашка деревянная для кушаний ...). Из принадлежностей домашнего быта ингеров (ижоры) деревень Усть-Рудицы, Большое Шишкино, Малое Шишкино - Ломоносово Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии».¹⁹

К редким образцам относятся предметы пивного комплекса — воронка, кружка и ведро для пива. Среди них обращает на себя внимание большая пивная кружка, изготовленная в бондарной технике из деревянных кленок, имевшая празднично-обрядовое назначение. Она украшена выжженным точечным орнаментом. Известно, что вплоть до начала XX в. пиво было главным обрядовым напитком ижоры; пили его во время различных семейных и календарных праздников.

Все глиняные изделия, включающие горшки, тарелки, миски, кружки, чайники, цветочные горшки и т. д., представляют собой массовую продукцию, которую на местный рынок поставляли русские и ижорские мастера. В первой четверти XX в. мастера таких сел, как Большое Стремление и Малое Стремление, свою продукцию сбывали главным образом на местных базарах и ярмарках — в Копорье и Ильешах. Их изделия широко бытовали у всех народов этого многонационального района.

Из предметов обрядовой пищи особо отметим муляж свадебного ржаного хлеба, который выпекали в форме каравая, украшенного особым выдавленным орнаментом в виде небольших кружков. Таким хлебом по традиции родители благословляли перед венцом жениха и невесту.²⁰

Другой образец — печенье *satula* («седелка») крестообразной формы, в середину которого запечено яйцо. Его специально изготавливали к празднику, Дню свв. Флора и Лавра, считавшихся покровителями лошадей. В коллекционной описи Н. Ф. Прыткова приводит описание его обрядового назначения: «Лошадь гладят по спине этим печеньем, желая ей быть такой же круглой в этом году, как это яйцо. Затем хлеб разламывается, яйцо отдается тому, кто ухаживает за лошастью, а хлеб отдается лошади, причем она получает еще два снопа овса, специально для нее сжатых».²¹

В коллекции был также представлен образец ржаного «хлеба с крестом» *risti leipä* круглой формы с изображением в центре креста. В описи отмечено, что его пекли в среду на четвертой неделе Великого поста. В Егорьев день такой хлеб полагалось скармливать скоту, его также полагалось съесть пахарю перед началом весенних полевых работ.²²

Среди предметов мебели выделяется большая кадка-сундук с крышечкой *puisi puine*. Она изготовлена в бондарной технике и украшена резным орнаментом в виде кружков. Такие кадки служили для хранения одежды и текстиля, входившего в приданое каждой невесты. В музейных коллекциях это редкий образец, несмотря на то, что традиция бытования подобных кадок-сундуков зафиксирована на обширной территории у разных прибалтийско-финских народов.

Наиболее многочисленную часть музейного собрания составляют предметы девичьей и женской одежды, традиционно являвшейся одним из наиболее ярких этнических признаков.

Самый ранний комплекс одежды датируется первой половиной XIX в. Это приобретенный А. М. Раевской праздничный женский костюм ижор группы хэва из д. Ижоры Петергофского у. Санкт-Петербургской губ. В него входят рубаха, украшенная вышивкой, а также такие архаические предметы, как распашная юбка с ляжкой *ānuu*, неспитая юбка *hurstu* и передник. Из верхней плечевой одежды — осенний кафтан из домотканого сукна, кафтан из холста, а также вязаные белые шерстяные чулки, кожаная обувь; два головных убора шляпообразной формы с длинной, спускающейся ниже пояса лопастью. К сожалению, точное название его нам не известно, но можно предположить, что именно его называли *kukkeli*. Один из них — праздничный, украшенный вышивкой, другой — с черной повязкой *leina* из шелковой ленты, зарегистрированный собирателем как траурный. Это наиболее ранний тип ижорских женских головных уборов, он аналогичен головному убору на рисунке XVIII в., приведенном в книге И. Г. Георги.²³

К числу редких образцов старинной одежды нижнелужских ижор относятся поясная одежда хурстуксет (*hurstu*), поясные подвески каттарет (*kattaret*), кожаный пояс с металлическими накладками путту (*puttu*) и нагрудно-наспинное ожерелье *helmet*. В комплексе костюма входил также саппан (*sappan*) — головной убор замужних женщин. Прыткова отмечает, что «в настоящее время саппан носят женщины средних лет и старухи».²⁴ В коллекции представлено около 20 образцов таких головных уборов, богато украшенных вышивкой, выполненной шерстью красного, синего и черного цветов. В регистрационной описи приведены названия отдельных частей этих головных уборов: налобник — *oçimus*, «тайный хвост» — *sallahäntä*, а также названия узоров вышивки: «петушки» — *kukkot*,

«большая мутовка» — *suriharkime*, «отборная изгородь» — *parratajat*, нашивки из блесток назывались «глазки» — *silmä*. При надевании этого головного убора на темя под шапан полагалось подкладывать валик *sukkeret*, состоящий из двух тонких дощечек с проложенным между ними льном, которые сверху были обтянуты тканью. В комплексе с этим головным убором женщины носили височное украшение ушника (*ušnikka*) из полосок холста, украшенных нашивками из сукна, бисера и стекляруса.

Дополняли костюм и другие украшения, такие, например, как старинное шейно-наспинное *helmet*. В связи с уникальностью этого экспоната, к сожалению, утраченного, приведем его подробное описание. Украшение представляло собой ожерелье из крупных стеклянных бусин с наспинной квадратной подвеской из ткани, заканчивающейся кистью из шерстяных ниток с бисеринками на концах. Лицевая часть подвески украшена позументом и нашитым стеклярусом (в орнаменте — солярный знак — свастика). При надевании низка бус охватывала шею спереди, а подвеска спускалась на спину.²⁵

Комплексы одежды ижоры группы хэва и нижнелужской группы представляют исключительную источниковедческую ценность, они не имеют аналогов в музейных собраниях России. В конце XIX в. эти архаические формы одежды были вытеснены новым для ижоры комплексом костюма с сарафаном и рубахой, сформировавшимся под влиянием соседнего русского населения. Наряду с отдельными предметами (вышитые рубахи *paita*, косоклинные — красике (*krasike*) и прямые сарафаны) в коллекции представлены костюмы женщин разных возрастных групп. Это комплексы одежды молодой и пожилой женщин, состоящие из рубах и сарафанов, которые еще достаточно широко бытовали в конце XIX — первой четверти XX в.

Большой интерес представляет женский праздничный фартук особого покроя в виде рубахи с рукавами — рукавникат (*rukavnikat*). Представленный в собрании экземпляр украшен вышивкой, в орнамент которой включены изображения стилизованных женских фигур, расположенных между всадниками, сидящими на двосенных птицах (конях). По сообщению собирателя, «рукавникат надевали, чтобы предохранить нарядную одежду».²⁶ Однако архаичность узоров и тщательность их исполнения говорят, скорее, о забытой информатором обрядовой или символической функции этого фартука, а не о чисто утилитарном его назначении.

Из предметов женской верхней одежды имеются образцы кафтанов: летнего холщового *rudi* и зимнего из серого сукна *harma vintta*. К середине 1920-х гг. они, по словам собирателей, уже совершенно вышли из употребления.

Наиболее старые, относящиеся к середине XIX в., предметы мужского костюма отмечены в коллекции А. М. Раевской. Это холщовая рубаха с вышивкой и два пояса. Мужская одежда ижоры конца XIX — первой четверти XX в. включает предметы повседневного назначения: штаны и шерстяной пояс пастуха и части промыслового костюма рыбака — шапку-зюйдвестку и кожаные сапоги кенгат (*kengat*) кустарной работы.

Особое место среди предметов праздничного убранства интерьера принадлежит вышитым полотенцам *kallorabaka*, которые вешали на иконы в красном углу. Эти полотенца отличаются особенно богатой и тщательно выполненной вышивкой. В орнаменте встречаются такие архаические мотивы, как изображения «предстоящих у древа» женских фигур с поднятыми руками, двуглавых птиц, пав.

В коллекции представлен редкий подбор деревянных расчетных бирок. В него входят специальные «магазинные» бирки («на жито»), на поставку подвод по казенному подряду, пастушьи бирки для учета скота и бирки для сдачи шкурок на выделку мастеру-скорняку. На них нанесены знаки собственности в виде графических значков или, как более поздний вариант, написанных фамилий хозяев), а также зарубки, обозначающие количество учитываемых предметов. В описи отмечено, что в середине 1920-х гг. они уже вышли из употребления.

К числу уникальных предметов относится обрядовая кукла, одетая в старинный ижорский костюм (комплекс с хурстуксет и головным убором сапшано). По сообщению собирателя, такие куклы специально изготовляли к свадьбе и хранили в сундуке вместе с приданым невесты.²⁷

Другим своеобразным атрибутом, который использовался во время свадьбы, была так называемая «елка» — украшение красного угла. Эта елка представляла собой октаэдр, изготовленный из нанизанных на нитку соломинок, к которым прикреплены сделанные из цветной бумаги лоскутки и цветы.²⁸

Детские игрушки ижоры — самодельные мячи из шерсти, свистульки в виде фигурок всадника на коне — «казак». К числу широко распространенных игрушек относятся куклы *nika* из разноцветных тряпок. В коллекции были представлены разные куклы: кукла-мальчик, кукла-невеста, несколько кукол в женских костюмах. К сожалению, все они из-за плохой сохранности были списаны, поэтому мы имеем лишь краткое их описание: «Кукла из тряпок, на голове — *kukkeli* — старинный, вышитый головной убор; в настоящее время не носят. Красный клетчатый сарафан, розовый передник и полосатая нижняя юбка».²⁹

Игра подпасков в ночном — так называемая *kopula*. Собиратель подробно описывает способ и правила игры: у молодого деревца обрубается большие сучья, и участники игры делают себе из сучка по крючку. Каждый загадывает, на что он попадет: на 5 или на 3 зарубки палочки *kopula*, затем вертит игрушку-рогульку на палочке и резко останавливается. Если он попадет правильно, то участник игры имеет право повесить свой крючок на первый нижний сучок. В следующий раз он передвигает свой крючок выше, пока в ходе игры кто-нибудь не доберется до самой вершины. Не попавшие правильно пропускают ход; выигрывают достигшие вершины. Они прячут *kopul*'у, а проигравшие должны ее найти. Если последние отказываются или не могут отыскать, то их подвергают шутивным наказаниям.³⁰

Музыкальные инструменты ижоры представлены пастушеским рожком и двумя образцами кантеле (крыловидных гуслей) XIX в. В описании кантеле, приобретенного в 1925 г., подчеркивается большая редкость этих инструментов: «... в настоящее время сохранился только у стариков и в уже очень ограниченном количестве».³¹ На фотографии, выполненной Д. А. Золотаревым, запечатлен старик, играющий на кантеле, хотя среди молодежи в это время уже давно были популярны гармоника и балалайка.

Приведенный обзор иллюстративных, фотографических материалов и вещественных памятников, хранящихся в РЭМ, подтверждает высокую оценку этого собрания как важнейшего источника для ретроспективного изучения культуры ижорского народа. Все они вместе представляют яркую и запоминающуюся картину жизни этого народа.

Примечания

- ¹ Золотарев Д. А. У ижор (экспедиционные впечатления) // Труды Ленинградского Общества изучения местного края. Л., 1927. Т. 1. С. 139.
- ² Он же. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений по антропологии, палеоэтнографии за последние 10 лет // Человек. 1928. № 2-4. С. 249.
- ³ Он же. Население Ленинградской области // Природа и население Ленинградской области: Справочная книга по краеведению. М.; Л., 1928. С. 130.
- ⁴ Габе Р. М. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Западно-финский сборник. Л., 1939. Вып. 16. С. 114.
- ⁵ Там же. С. 115.
- ⁶ Прыткова Н. Ф. Одежда ижор и води. Из материалов Северо-западной экспедиции 1926-28 годов // Западно-финский сборник. Л., 1930. Вып. 16. С. 306-340.
- ⁷ Гаген-Торн Н. И. О «бабьем празднике» у ижор (Ленинградского района) // Этнография. 1930. № 3.
- ⁸ Там же. С. 72.
- ⁹ Прыткова Н. Ф. (1904-1966) была репрессирована в начале 1930-х гг.; после реабилитации работала в Институте этнографии; к ижорской тематике не вернулась и стала крупным специалистом по культуре народов Сибири.
- ¹⁰ Горб Д. А. Этнографическое изучение води и ижор (по материалам ГМЭ народов СССР) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985-1987 гг.: Тез. докл. науч. сессии. Л., 1989. С. 12-13.
- ¹¹ Заднепровская А. Ю. Ижорская коллекция Анны Михайловны Раевской // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. Вып. 7. С. 213-216.
- ¹² Габе Р. М. Указ. соч. Рис.
- ¹³ Фототека, РЭМ, №№ 11128-11131.
- ¹⁴ Габе Р. М. Указ. соч. С. 111.
- ¹⁵ Коллекция зарегистрирована под № 4696, в настоящее время хранится в архиве РЭМ.
- ¹⁶ Габе Р. М. Указ. соч. Табл. I-XXXVIII.
- ¹⁷ Автор выражает благодарность сотруднику СПбГУ И. С. Николаеву за консультации и помощь в проверке ижорских терминов.
- ¹⁸ РЭМ, кол. опись № 9910.
- ¹⁹ РЭМ, кол. № 8761-15266.
- ²⁰ РЭМ, кол. опись № 4460-102.
- ²¹ Там же. № 4460-100.
- ²² Там же. № 4460-101.
- ²³ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. СПб., 1799. Ч. I-IV. Рис. 5-6.
- ²⁴ РЭМ, кол. опись № 4460-20.
- ²⁵ Прорисовку экспоната см.: Западно-финский сборник. 1930. Вып. 16. Табл. II.
- ²⁶ РЭМ, кол. опись № 4984-23.
- ²⁷ Фототека РЭМ, № 4833-12.
- ²⁸ РЭМ, кол. опись № 4460-64.
- ²⁹ Там же. № 4460-82 (экспонат списан).
- ³⁰ Там же. № 4460-91.
- ³¹ Там же. № 4460-74.